

УДК 908

UDC 908

07.00.00 Исторические науки

Historical sciences

**ВОЕННОЕ ДУХОВЕНСТВО КУБАНСКОГО
КАЗАЧЕСТВА: СПЕЦИФИКА
СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ****THE CHAPLAINCY OF THE KUBAN
COSSACKS: THE SPECIFICITY OF
FORMATION AND DEVELOPMENT**

Горожанина Марина Юрьевна
кандидат исторических наук, доцент
РИНЦ SPIN – код 3917-0710
*Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия*

Gorozhanina Marina Yurevna
Cand.Hist.Sci., assistant professor
РИНЦ SPIN code 3917-0710
Kuban State University, Krasnodar, Russia

В современных условиях формирования в России института военного духовенства особенно актуально изучение истории его становления и развития. В данной работе впервые уделяется внимание освещению деятельности казачьего православного духовенства и его участия в военных баталиях. В статье подробно рассматривается деятельность первых войсковых протоиереев Черноморского казачьего войска: И.Л. Ковалевского, А. Донашевского и Р. Порохня. На основе анализа архивных документов в статье выделяется специфика формирования военного духовенства у казаков, обозначается его роль в истории Кубани. Много места занимает изучение подвигов полковых священников. Не остается без внимания и проблема терминологии. В статье убедительно доказывается, что до образования единого Кубанского казачьего войска, термин «полковые священники» применим лишь к Линейному казачеству, у черноморского же священники прикреплялись ко всему войску, поэтому и носили статус войсковых; этот термин встречается здесь вплоть до 1920 г. Именно особое положение кубанского войскового духовенства, которое одновременно относилось и к духовному и к казачьему сословию стало главной причиной репрессий против него в 20-30 –е гг. XX в. На протяжении всей истории своего существования военное духовенство Кубани играло важную роль в жизни казачества, именно оно отвечало за религиозное образование и патриотическое воспитание. Благодаря своему авторитету и многочисленным трудам, священники сумели сохранить боевой настрой казачества даже в годы февральской революции. В то время, когда русская армия страдала от дезертирства, кубанские полки практически не были подвержены этому, что в очередной раз показывает важную роль священников в кубанской истории

In the modern conditions of formation the Institute of military clergy in Russia it is especially important to study of the history of its formation and development. In this article we first focus on coverage of the activities of Cossack Orthodox clergy and its participation in military battles. The article details the activity of the first military archpriests of the Black Sea Cossack army: I. L. Kovalevsky, A. Domashevskij and R. Porokhnya. Based on the analysis of archival documents the article highlighted the specificity of the formation of the military clergy Cossacks, we have also indicated its role in the history of the Kuban. We have considered the problem of terminology as well. The article clearly proves that, prior to the formation of the United Kuban Cossack army, the term of "regimental priests" is applicable only to Linear Cossacks, as the Black sea priests were attached to the whole Cossacks army and therefore had the status of the army; this term was used here until 1920. It is the special situation of the Kuban army of clerics who are simultaneously applied to the spiritual and to the Cossack estate was the main cause of repression against it in the 1920-1930ies. Throughout its history the chaplaincy of the Kuban played an important role in the life of the Cossacks, it was responsible for religious education and Patriotic education. Due to its credibility, and numerous works, the priests were able to maintain the morale of the Cossacks, even during the February revolution. At the time when the Russian army suffered from defections, Kuban regiments were almost not affected, which once again shows the important role of priests in the Kuban history

Ключевые слова: КУБАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО,
ЧЕРНОМОРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО,
КАВКАЗСКОЕ ЛИНЕЙНОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО,
ВОЕННОЕ И ВОЙСКОВОЕ ДУХОВЕНСТВО,
ПОЛКОВЫЕ СВЯЩЕННИКИ

Keywords: KUBAN COSSACKS, BLACK SEA
COSSACK HOST, CAUCASUS LINE COSSACK
HOST, MILITARY CLERGY REGIMENTAL
PRIESTS

Реставрация института военного духовенства в современной России актуализирует тему данного исследования. Подтверждением чего является появление различных статей и диссертаций, так или иначе, связанных с этой тематикой. Вместе с тем, трудов, посвященных комплексному анализу деятельности войсковых священников казачества по-прежнему нет. А это одна из тех проблем, которая во много помогает ответить на вопросы, стоящие перед современным военным духовенством.

В истории казачества священники всегда играли важную роль, во многом благодаря их трудам, духовно-нравственная атмосфера в Кубанской области была значительно лучше, чем в других регионах России, что находило отражение в боевом духе казачества, в его патриотических и монархических чувствах.

Зарождение института военного духовенства кубанского казачества своими корнями уходит в Запорожскую Сечь. Задолго до формирования в Российской империи должности капеллана там зародилась традиция брать с собой в поход священника. У казаков даже сложилось поверье: «Присутствие батюшки во время сражения приносит удачу и является залогом успеха».

Следуя этому правилу, казаки старались идти в поход лишь в сопровождение духовного наставника. Поэтому институт военного духовенства здесь возник несколько раньше, чем в центральной полосе России и имел свою специфику.

- Первоначально, в отличие от российского, казачье духовенство подчинялось лишь своему атаману. Поэтому долгое время носило статус войскового, а не военного. Даже в ср. XIX в., духовенство Черноморского казачьего войска зависело больше от войскового атамана, чем епархиальных властей.

Весьма показательной является тяжба в 1918 г. между причтом Войскового собора им. Александра Невского в г. Екатеринодаре и

протопресвитером Российской армии и флота о. Георгием Шавельским. Пытаясь удалить из храма неугодных ему священников, он обратился вначале за поддержкой к епископу Екатеринодарскому и Ейскому Иоану (Левицкий), но не получив положительного решения проблемы стал ходатайствовать перед Наказным атаманом. Вняв просьбам протопресвитера, атаман приказал епископу, немедленно решить проблему, что вскоре и было сделано. [5]

- Запорожское казачество, а чуть позже и черноморское самостоятельно комплектовало штат войскового духовенства, как правило, из бывших казаков.

Именно казаки решали, может данный священник окормлять их войско или нет. Кандидатура, назначенная епархиальной властью, без ведома казаков, всегда вызывала неприятия. Поэтому высшее епархиальное начальство вынуждено было смириться с этой традицией. Примечательно, что изначально священники закреплялись не за конкретным приходом, а за всем войском, а затем уже шло их распределение по станицам черноморских казаков.

Первым войсковым священником черноморцев в 1788 г стал И. Л. Ковалевский, которого казаки знали, как смелого воина более 30 лет. Накануне зачисления в духовное звание И.Л. Ковалевский был войсковым писарем. Сан священнослужителя он принял в 1762г., для чего специально ездил в Киев.

В начале XIX века Св. Синод указывал на необходимость выдавать полковым священникам документы об их службе, перед казаками такой проблемы не стояло. Еще с Запорожской Сечи сложилась традиция иметь аттестаты как казакам, так и их духовным пасторам. До наших дней дошли два аттестата И.Л. Ковалевского, подписанные войсковым судьей А. Головатым и атаманом З.Чепигой, в которых отмечается его отличная служба и личное участие в морских битвах на Днепровско-Бузском лимане

1788 г, где отец Иоан проявил мужество и героизм, спасая раненных. Нередко, видя смятение черноморцев И.Л.Ковалевский, вспоминая свою боевую молодость, подымал казаков в атаку. В конце 1788 г. по состоянию здоровья И.Л. Ковалевский оставил должность. На его место был назначен Р. Порохня, которому будет суждено стать протоиереем Черноморского казачьего войска в 1794 г. Третьим войсковым священником был Антоний Донашевский, единственный из представителей черного духовенства, которому суждено было окормлять Черноморское казачье войско с 1790-1793 гг.

30 июня 1792 г. Екатерины II особым указом узаконила статус войсковых священников. «Войску Черноморскому иметь протопопа, священника и дьякона. С окладами соответственно 200 руб., - 100 руб., - 80 руб». [1] Примерно в это же время шел процесс формирования приходского духовенства. Учитывая сложную военную обстановку, которая в то время была на Кубани, существенного отличия между приходскими и войсковыми священниками не было. Кроме того именно войсковой протоирей курировал все белое духовенство, которое первоначально в основном комплектовалось из казаков. Таким образом, в нашем регионе сложилась своя специфика.

1) Так как изначально священники черноморцев были представлены военным духовенством, проблема его формирования не стояла здесь так остро, как в центральных губерниях России.

2) Первоначально не требовалось и дополнительного образования для будущих войсковых священников, так как основная масса их была выходцами из казачьего сословия и военную службу знала весьма хорошо.

3) По этой же причине черноморскому войсковому духовенству намного проще было выполнять свои обязанности, чем российскому, большинство из которых о военной службе знали лишь понаслышке и очень тяжело привыкали к жизни по воинскому уставу.

4) Вплоть до середины XIX в. священники носили статус войсковых, а не полковых, так как в отличие от других регионов России, в Черномории они прикреплялись не к конкретному полку, а ко всему войску.

5) Между приходским и войсковым духовенством не существовало соперничества. Они жили едиными проблемами и нередко замещали друг друга.

6) В отличие от российских губерний и Линейного казачьего войска, войсковые священники черноморцев, так же как и приходские подчинялись единому ведомству, представленной епархиальной властью.

7) Материальное положение как войскового, так и приходского духовенства, за счет войскового финансирования выгодно, отличалось от других российских регионов. Вместе с тем, это порождало зависимость от войска, которое довольно часто вмешивалось в церковные дела. Не случайно Православная Церковь в Черномории как правило строила свою политику исходя из войсковых потребностей.

Таким образом, войсковое духовенство черноморцев составляло единый духовный мир со своими прихожанами. Разделяя с казаками все тяготы и невзгоды военного времени, духовные пасторы мало, чем отличались от своей паствы. Священник, лихо скачущий на лошади и великолепно владеющий холодным оружием, был обычным явлением того времени. В начале XIX века довольно часто войсковой священник заменял выбывшего из строя казака и помогал не только словом, но и делом одерживать победу над неприятелем. Именно в этот период, когда Черномория была сферой борьбы геополитических интересов Османской Турции и самодержавной России наиболее полно раскрылась значимость деятельности войскового священника.

Глубокая набожность казачества помогала ему одерживать победу в самых сложных условиях. Она вселяла надежду, давала силы. В те времена на войскового священника возлагалась весьма большая ответственность. С

одной стороны, он должен был делить все невзгоды с воинами, с другой подымать боевой настрой, утешать раненых, напутствовать умирающих, провожать в последний путь убитых. Не случайно в войсковые священники выбирали самых лучших, не только образованных, но и весьма душевных людей.

Войсковые священники принимали присягу наравне с остальными казаками. Это был своеобразный ритуал. Будущие пастыри произносили клятву перед всеми собравшимися, положив руку на Библию. «Я клянусь всемогущей Троицей и славным Богом перед святой его Евангелией и животворящим крестом Спасителя нашего, что всем делом, к которому призван и которое будут с меня спрашивать, имею сказать Ему сущую правду, так правдиво как мне в том ответ даст пред Богом и пред его праведным судом. Сей моей клятвой целую святое слово Спасителя моего. Аминь». [2] После этого начинались поздравления. Пожилые казаки, собравшись за общим столом, напутствовали молодежь, вспоминали боевые походы.

Большим праздником в те времена в Черномории считалось и открытие новой батареи, которое никогда не обходилось без благословения священника.

Вместе с казаками участвовали войсковые пасторы и во всех военных сражениях. Были они рядом и в Отечественную войну 1812г., и в многочисленные русско-турецкие войны и в Крымскую кампанию 1853-56 гг. Последняя была особенно тяжелой для России. В те дни весьма часто встречалась такая картина. Основные орудия разбиты, больше половины полка уже нет в живых. Уставшие до изнеможения воины из последних сил выполняют приказ своего командира. Но вот вражеская пуля выводит из строя и его. Возникает некоторое смятение, враг торжествует, предчувствуя скорую победу. И вдруг, словно гром среди ясного неба раздается раскатистый голос войскового священника. «Братья казаки, что

же вы?! Вперед! За мной! За веру Православную! За Землю Русскую!» И высоко подняв свой крест, увлекает в воинов в атаку. Враг, превосходивший русских силою в два раза, от неожиданного напора и бросается в бегство.

Таких примеров история знала много. Так в 1853 г. обер-священник Кавказского корпуса протоиерей Михайловский в одном из своих рапортов с грустью сообщал о героической гибели целого гарнизона Черноморской береговой линии, который защищал укрепление Св. Николая. Неся большие потери, казаки продолжали сдерживать натиск врага, в этом им помогал войсковой батюшка иеромонах Серафим Гуглинский, который личным примером укреплял их мужество и веру. Несколько раз, в крайне сложной ситуации, он подымал казаков в атаку. Утешал раненных, всячески стараясь облегчить их страдание, укреплял веру защитников в победу. Бесстрашный иеромонах вызывал злобу и ненависть у турок. Но, казалось, что даже смерть его боялась, раненый он оставался в строю и продолжал выполнять свою работу. Снова и снова обращался он к воинам: «Братья, помните, что честная смерть лучше бегства и бесчестной жизни. Не пожалеем же себя за Веру Православную, за Матушку Россию». Когда турки овладели укреплением, они, прежде всего, решили расправиться с ненавистным пастором. Иеромонах Серафим, был без сознания, но еще жив. Турки, торжествуя победу, устроили о. Серафиму публичную казнь, после мученических пыток, ему отпилили голову и, вонзив ее на копье, показывали турецкому полчищу. [6, с. 67] А в это время в соседнем гарнизоне другой войсковой священник, благословляя казаков на новую битву, говорил: «Убийство противника на войне грехом не является. Однако неприятель – брат по плоти. Поэтому, убивая его, свою должность нужно исполнять без ожесточения. Поверженному противнику следует даровать пощаду. Грабеж и мародерство запрещаются. К иноверческим

храмам противника нужно относиться с уважением, ибо «ничто так не ожесточает неприятелей, как презрение к народной вере». [9]

Образование в 1860 г. Кубанского казачьего войска, завершило процесс формирования института полковых священников. Основным костяк которого состоял из войскового духовенства бывшего Черноморского казачьего войска, а также священников Линейного казачества и закубанских станиц. В отличие от черноморского духовенства два последних комплектовалось, как правило, из пришлого священства, поэтому нередко между ними и казаками возникали трения.

Уже ко второй половине XIX века был определен круг обязанностей полковых священников. Если до начала Крымской кампании основное внимание уделялось помощи раненым, духовной беседе и проповеди, то после на плечи военного духовенства возлагалась и просветительская работа с личным составом. Священнослужители должны были не только совершать церковную службу, и выполнять все необходимые церковные требы, но и обучать воинов основным молитвам, церковной истории и Закону Божьему. Так в одном из рапортов по Кавказскому корпусу говорилось: «Замечено, что некоторые нижние чины слабо знают догматы Святой веры и церковные постановления, и даже есть такие, которые не знают всех ежедневных молитв, Символа Христианской веры и 10-ти заповедей. Обязанность Полкового Священника научить нижних чинов всему вышесказанному, и притом излагать им вкратце Священную Историю, о чем неоднократно подтверждено по войскам, и предписано приказом по Корпусу». [9]

К началу XX века сформировалась четкая структура военного духовенства, которую возглавлял протопресвитер, ему подчинялись главные священники военных округов, а им в свою очередь дивизионные, бригадные, гарнизонные благочинные, самой нижней единицей был полковой священник.

С наступлением XX в. в российском обществе заметно стало ослабление религиозных чувств. Поэтому военное духовенство в это время много внимания уделяло воспитательной работе. В 1900 г. была создана специальная программа для проведения религиозно-нравственной работы в армии. Согласно этому документу полковые священники должны были еженедельно проводить с казаками занятия по Закону Божьему, следить за их поведением во время богослужения, как можно чаще исповедовать и причащать. Кроме этого следовало им установить обязательное пение хором всеми нижними чинами молитв: утренней, вечерней перед обедом и ужином. Полковые священники так же должны были требовать соблюдения всех постов, бороться со сквернословием, не допускать в армии пьянства. [3] Следует подчеркнуть, что весьма часто войсковое начальство вместо поддержки оказывало священникам противодействие. Так в 1904 г. удовлетворяя многочисленные просьбы командиров, наказной атаман Кубанской области Я.Д.Малама уведомлял начальника Штаба Кавказского военного округа о невозможности соблюдения в воинских частях постов, а так же о не целесообразности уделять слишком много времени для проведения воспитательной работы. [3]

Вместе с тем, священники по-прежнему пользовались большим уважением в Кубанском казачьем войске. Начавшаяся первая мировая еще более сплотила духовенство и казачество.

Примечательно, что уже в первый день войны на имя наказного атамана поступило достаточно много прошений о зачисление в армию как от казаков, так и от кубанского духовенства. [4]

Всего же в армию и флот войсковыми священниками с 1914-1917 гг. было зачислено свыше 5 тысяч, накануне 1914 г. их число составляло не более 700, в русско-японскую войну – чуть больше 1000. [10, с.53]

Полковые священники Кубанского казачьего войска остались верны боевым традициям своих предков. Газеты тех лет весьма часто сообщали о

награждении то одного, то другого священника. Так в марте 1916 г за проявленное мужество во время одной из битв к ордену св. Анны 3 степени был представлен полковой священник 1 Лабинского полка о. Федор Татаринев. Разделяя с казаками все тяготы войны, отец Федор не покидал свою паству и во время боя. Часто рискуя собственной жизнью, под сильнейшим огнем противника выносил с поля боя раненных. Не случайно, в июле 1916 г он вновь был награжден. А в октябре этого же года за отличную службу пожалован камилавкою.

24 марта 1916 г. за отличную службу и труды во время боевых действий священник 1 Екатеринодарского Кошевого атамана Чепиги полка о. Дмитрий Феденко был награжден орденом Анны 3 степени, а протоиерей 4 Кубанского Пластунского батальона Павел Бартанев орденом Владимира 4 степени.

Доблестно выполняли свои обязанности и представители черного духовенства. С началом первой мировой войны многие из них в качестве полковых священников добровольцами отправились в действующую армию. В конце 1916 г., отмечая особые заслуги иеромонаха Фотия (Герасименко), исполняющего пасторские обязанности в Кубанском пластунском батальоне войсковое начальство представило его к ордену Св. Анны 3 степени.[7] Среди особо отличивших священнослужителей был и священника 8 Кубанского пластунского батальона о. Сергей Тихомиров. В январе 1917 г. за отличную службу он был пожалован золотым наперсным крестом, а 5 июля 1917 г. за проявленный героизм и отличие в борьбе с неприятелем он был награжден орденом Владимира 4 степени.[8]

Забываясь о нравственном климате в войске, священники особенно много уделяли внимания работе с личным составом. Понимая, какие лишения терпят воины, священники всячески пытались облегчить их участь. Нередко они выступали связывающим звеном между воинов и его домом. Весьма часто именно батюшка отсылал на Кубань весточку

родным о том или ином герое, он же читал неграмотным долгожданное письмо из дома.

К началу 1917 г. дезертирство стало одной из острых проблем русской армии, вместе с тем это явление почти было неизвестно кубанцам, в чем в первую очередь, была большая заслуга полковых священников.

Таким образом, Православная Церковь играла важную роль не только в мирное время, но и в период войн. Войсковое духовенство Кубани внесло большой вклад в военную историю казачества.

Библиографический список.

1. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК) – Ф. 249. – Оп. 1. – Д.56. – Л. 12.
2. ГАКК – Ф.249. – Оп.1. – Д.507. – Т.2. – Л. 343.
3. ГАКК – Ф. 396. – Оп.1. – Д. 7973. – Л.13.
4. ГАКК– Ф. 396. – Оп.1 –Д. 10746. – Л. 5
5. ГАКК – Ф-Р. 14. – Оп. 1. – Д.37. – Л.19
6. Котков В.М. Военное духовенство России. Страницы истории./В.М. Котков. – СПб, 2003. – 267 с.
7. Кубанский казачий Вестник. 1916. №18.
8. Кубанский казачий Вестник. 1917. №9.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) – Ф. 14877. – Оп. 1. – Т.1. – Д.5203. – Л. 56
10. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т.2. /Г.И. Шавельский. – Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. –379 с.

References

1. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja (dalee GAKK) – F. 249. – Op. 1. – D.56. – L. 12.
2. GAKK – F.249. – Op.1. – D.507. – T.2. – L. 343.
3. GAKK – F. 396. – Op.1. – D. 7973. – L.13.
4. GAKK– F. 396. – Op.1 –D. 10746. – L. 5
5. GAKK – F-R. 14. – Op. 1. – D.37. – L.19
6. Kotkov V.M. Voennoe duhovenstvo Rossii. Stranicy istorii./V.M. Kotkov. – SPb, 2003. – 267 s.
7. Kubanskij kazachij Vestnik. 1916. №18.
8. Kubanskij kazachij Vestnik. 1917. №9.
9. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA) – F. 14877. – Op. 1. – T.1. – D.5203. – L. 56
10. Shavel'skij G.I. Vospominanija poslednego protopresvitera Russkoj armii i flota. T.2. /G.I. Shavel'skij. – N'ju-Jork: izd. im. Chehova, 1954. –379 s.